УДК 398
DOI 10.52452/2658-7475-2026-2-30-7-48

ЛЕГЕНДЫ О МАКАРИИ ЖЕЛТОВОДСКОМ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2026

Ю.М. Шеваренкова

Шеваренкова Юлия Михайловна, SPIN-код: 5831-6956, ORCID: 0009-0000-7491-7143, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), shevarenkova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Статья принята к публикации: 15.06.2026

Исследование посвящено народному почитанию святого Макария Желтоводского и Унженского в Нижегородской области. Материалами послужили данные фольклорных экспедиций Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского XX – XXI вв., путеводителей по Волге, а также публикации краеведов и художественная литература. Выявлено, что в отличие от эпохи XVI – XIX вв., когда преподобный Макарий почитался как защитник Нижегородского края, просветитель народов Поволжья, патрон воинов и пленных, а также покровитель торговли, современный народный культ святого на территории региона сохранился дискретно, проявляет себя в небольшом количестве сюжетных легенд, в топонимах и почитании святых источников, однако фигура святого в фольклоре утратила свое историческое функциональное наполнение. Установлено, что ареал бытования легенд о Макарии Желтоводском ограничен заволжской и поветлужской частями Нижегородской области, в том числе местами, граничащими с Костромской и Ивановской областями, – это Лысковский, Воскресенский, Семёновский, Городецкий, Сокольский, Чкаловский, Варнавинский, Ветлужский районы. Определен круг фольклорных сюжетов макарьевской тематики, а также выделен ведущий мотив нарративов о Макарии – мотив пути святого на Унжу, который привел к появлению легенд об остановках Макария в различных населенных пунктах Заволжья и Поветлужья. Проанализированы редкие агиографические легенды о святом, легенды об основании им Макарьевского Желтоводского монастыря, легенды о Макарии и лосе/олене, закрепившиеся в нижегородской старообрядческой среде, легенды о плавании святого на камне, в том числе совместно с Варнавой Ветлужским. Установлено, что в настоящее время легенды о Макарии Желтоводском относятся к исчезающему пласту нижегородского фольклора.

Ключевые слова: народная агиография, легенды о Макарии Желтоводском и Унженском, локальные традиции, монастырь, почитание святых, народное православие.

Тема народного почитания православных святых – общеизвестных или местных, канонизированных и непрославленных – давно привлекает внимание фольклористов. Фигуры русских святых разных эпох представлены в региональных и локальных устных традициях неодинаково, но спектр их присутствия в народной культуре очень богат: это календарная обрядность, почитание икон святых и природных объектов, носящих их имя, религиозно-бытовые традиции, предания и легенды, неканонические молитвы, присловья, приметы, поверья и др.

В начале XIX в. Нижегородская губерния прославилась именем Серафима Саровского (1754–1933), скромного монаха из Саровской пустыни, а на рубеже XIX–XX вв. и в настоящее время Серафимо-Дивеевский женский монастырь, духовным наставником которого являлся Преподобный, стал одним из влиятельных церковных центров. В южнонижегородской фольклорной традиции культ Серафима Саровского ярко выражен в почитании природных объектов (источников, камней, деревьев, Канавки), а также в тематическом и сюжетном богатстве устного легендарного материала о святом [Шеваренкова 2021, с. 6–278].

Тем не менее история нижегородской церкви знает и другие яркие имена, ставшие религиозными символами своей эпохи. К таким фигурам, безусловно, относится преподобный Макарий Желтоводский и Унженский (1349–1444). На нижегородской территории имя святого известно, прежде всего, с агионимом Желтоводский и связано с основанным им Свято-Троице-Макарьево-Желтоводским монастырем. В народной крестьянской культуре культ святого занимал в прошлом внушительную территорию северной части Нижегородской губернии – Заволжья и Поветлужья.

Историческая справка

Преподобный Макарий – важная фигура для русской православной церкви эпохи позднего русского средневековья и нового времени. Главным источником сведений о жизни святого являетсяего житие,

редакции и многочисленные списки которого известны уже с середины XVI в. [Тарасенко 2006[1]]. Будущий Преподобный родился в Нижнем Новгороде, принял постриг в Печерском монастыре, где и провел большую часть своей жизни. В старческом возрасте он покинул город в поисках уединенного места, прошел берегами Оки и Клязьмы до места впадения р. Добрица в р. Лух и основал здесь свой первый монастырь – Макарьевскую Богоявленскую Луховскую пустынь (упразднена в XVIII в.). Сейчас в окрестностях с. Худынское Ивановской области на правом берегу Луха находится почитаемое место Пустынька, а на левом берегу реки – святое место Пещерка с несохранившейся сосной, посаженной, по преданиям, самим Макарием [Вахровский 2025, с. 26]. Почитаемое место в Ивановской области было и у д. Городок – это раздвоенная сосна, где, по легенде, Макарий встретился со святым Тихоном Лухским [Вахровский 2025, с. 27; Фадеева 2025, с. 23]. На территории области центр почитания Макария в начале XVII в. сложился и в слободе Решма (в прошлом – Костромская губерния), где по обету местных жителей и в благодарность за освобождение от войск Лжедмитрия II был заложен Макариево-Решемский монастырь. Здесь почитается колодец, вырытый, по легенде, Преподобным, а в слободе долгое время действовала Макарьевская ярмарка.

Житийная линия движения святого вдоль рек определит в дальнейшем географию его народного почитания в Поволжье и на Русском Севере, а также специфику сюжетного состава легенд о нем.

С Луха Макарий возвратился в нижегородские пределы и в 1434 г. на о. Жёлтое близ Волги основал мужской монастырь, который в 1439 г. подвергся нападению хана Улу-Мухаммеда: часть насельников была убита, а другая вместе с Макарием оказалась в казанской ставке хана. После освобождения из плена Макарий с оставшимися людьми навсегда ушел на р. Унжу в Костромские земли, где в этом же году основал пустынь, известную сейчас как Макарьево-Унженский монастырь, здесь он и был погребен.

[1] Здесь представлена обширная библиография по агиографии святого, а также описание всех выявленных редакций и списков житий Преподобного.

Со второй половины XV в. имя Макария прочно закрепляется на Костромской земле: в середине XVI в. пишется его официальное житие с чудесами [Понырко 1988; Грицевская 2005], в 1619 г. он был прославлен, в 1671 г. обретены его мощи, и святой приобрел второй агионим – Унженский. Народное почитание Макария сложилось, вероятно, задолго до его официальной канонизации, на что указывает доканонизационная агиография и иконография святого, а также храмы и службы святому на территории Костромского края [Тарасенко 2012, с. 200, 202–204], и в XVI–XVII вв. именно территория Поунжья и в целом Костромская губерния становятся центром церковного и народного культа святого, что было обусловлено особенностями политической обстановки эпохи. В Костромских землях, подвергавшихся набегам казанских татар, Макарий почитался как защитник этого края (в Солигаличе на одной из икон он изображен монахом на коне, а деревянная скульптура изображает его с крестом и копьем), а храмы с престолами во имя Преподобного были во всех уездах Костромского края [Зонтиков 2011, с. 240, 242]. На Костромской земле были созданы различные варианты жития святого с посмертными чудесами, а также многие литературные памятники, посвященные ему: «Сказание об обретении честных мощей… Макария» (кон. XVII в.), «Повесть о иконе Пресвятые Богородицы во обители прп. Макария, Унженского чудотворца» (нач. XVIII в.), «Сказание о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Макара, Унженского чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволжском и в пределах его…» (XVIII в.) и др. В настоящее время костромской народный культ святого уже не столь богат, как в эпоху расцвета фольклора и периода востребованности фигуры Макария как покровителя Костромского Поволжья и Поунжья, но тем не менее представлен преданиями и легендами (об исцелениях по молитве святому, о его плавании на камне и др.), неканоническими молитвами святому, окликаниями Егория и Макария в день первого выгона скота[2], почитанием природных объектов. Так, в

[2] Выражаю сердечную благодарность Елене Львовне Березович, д.ф.н., профессору, чл.-корр. РАН, зав. каф. русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина за возможность ознакомиться с костромскими экспедиционными материалами УрФУ.

Костромской области до сих пор почитается Макарьевский источник при Свято-Троицком Макариево-Унженском мужском монастыре в г. Макарьев, а также источник «Двенадцать ключей» у д. Большие Рымы в Макарьевском районе, появление которого предания объясняют встречей Макария с преподобным Тихоном Лухским [Кувшинская, Харитонова 2024].

Еще одна точка на карте макарьевских монастырских центров – это Свято-Вознесенский Макарьевский мужской монастырь Казанской епархии на р. Свияге, по церковной легенде основанный в 1439 г. на месте отдыха Макария и его братии, возвращавшихся в нижегородские пределы из татарского плена[3]. В Казанской епархии к имени Преподобного нередко добавляют третий агионим – Свияжский (однако в официальной литературе он не прижился, вероятно, из-за возникающей перегруженности имени святого).

Популярность святого в XVI-XVII вв. сказалась в расширении географии официального и народного культа Преподобного за пределы основных регионов его почитания (Ивановская, Нижегородская, Костромская губернии). Так, еще один крупный центрв XVII в. сложился на Русском Севере – в Олонецкой и Архангельской губерниях, где целый ряд церковных объектов был посвящен этому святому [Пигин 2009, с. 184], возникла его региональная иконография, а в XVII в. было написано «Сказание о преславных чудесах чудотворного образа преподобного и богоносного отца нашего Макария» [Пигин 2011], где святой выступает как исцелитель болящих. Согласно народным легендам, по пути на Соловки святой основал в Каргополье Макарьевскую Хергозерскую пустынь (упразднена в конце XVIII в.). Место бывшей пустыни и Келейное озеро возле него до сих пор почитаются святыми – здесь сохраняется обычай «ходить к Макарию»: озеро обходят или оползают, оставляют на крестах полотенца и личные вещи, а сам святой почитается как защитник людей и скотины [Каргополье 2009, с. 122-129, 234, 260, 264]. Кроме того, здесь же возникло сближение образов Макария и пророка Ильи: близость дат их

[3] К сожалению, мы не располагаем сведениями о наличии современного фольклорного пласта преданий и легенд макарьевской тематики, связанных с возникновением и деятельностью этого монастыря.

памяти (Макарий – 7 августа по н.ст., Ильин день – 2 августа) привела к восприятию этих двух праздников как единого периода дождей и гроз [Каргополье 2009, с. 261].

Что же касается почитания святого на Нижегородской земле, то, по мнению Л.П. Тарасенко, «в XVI – начале XVII века в Нижнем Новгороде, скорее всего, почитание преп. Макария было сосредоточено в местах его рождения и начальных монашеских подвигов» [Тарасенко 2012, с. 204]. Несмотря на то что основанный им Желтоводский монастырь был разрушен в XV в., в начале XVII в. фигура Макария переживает здесь второе рождение, и эта эпоха позволяет вспомнить многие ныне забытые функции святого. Так, в эпоху польской интервенции святой почитался в Верхнем Поволжье *покровителем земского патриотического движения* 1608–1609 гг. [Кравец 2011, с. 229], а затем и Второго ополчения К. Минина и Д. Пожарского 1612 г. против поляков [Морохин 2019, с. 183, 185]. Сам Д. Пожарский почитал его *личным небесным заступником* [Кравец 2011, с. 229] и впоследствии способствовал подготовке канонизации Макария [Морохин 2019, с. 185]. В благодарность за победу царь Михаил Федорович даровал Д. Пожарскому земли (сейчас это с. Пурех Чкаловского района области), где тот по обету основал Спасо-Макарьевский мужской монастырь для увечных ополченцев [Кравец 2011, с. 229] с почитаемой иконой святого [Тарасенко 2012, с. 204]. Особое отношение к Макарию *как защитнику пленных* сложилось в семье царя Михаила Федоровича Романова [Кравец 2011, с. 230–231]. «Нижегородско-костромской культ преп. Макария Желтоводского и Унженского приобрел после Смуты исключительную важность. Из местночтимого подвижника преп. Макарий стал одним из наиболее чтимых Царской фамилией святых. Это была первая канонизация новой династии; был создан еще один поистине народный культ, внимание к которому исходило, прежде всего, от самого Патриарха» [Тарасенко 2012, с. 204]. Последний факт сыграл решающую роль в возвышении Макарьевского Желтоводского монастыря: в 1620 г. царь Михаил благословил его восстановление после разрушения татарами в 1439 г., выдал разрешение на организацию при нем ярмарки, освободил от части налогов и даровал пошлинные сборы с торговли [Кравец 2011, с. 231]. Благодаря удачному расположению в центре торгового пути

по Волге и ее притокам, Желтоводский монастырь с прилегающей к нему ярмаркой постепенно стал коммерческим и даже многоконфессиональным центром Нижегородского Заволжья [Мельников 1917; Филатов 2003; Рыбаков 2023], а Преподобный надолго приобрел функцию *покровителя купечества и торговли*.

Государственное возвышение фигуры Макария в XVII в. совпало со временем появления разнообразных редакций жития святого, оригинальных местных литературных памятников о его чудесах, развития разножанровой иконографии Преподобного в центрах его почитания от Центральной России до Русского Севера [Тарасенко 2006].

Желтоводский монастырь. Исход Макария На Унжу

Поиск легендарного материала о преподобном Макарии был начат в с. Макарьево Лысковского муниципального округа, где расположен Макарьевский Желтоводский женский монастырь. Несмотря на то что экспедиции ГГУ/ННГУ не раз работали на этой территории (в 1977, 1990, 1997, 2000, 2001, 2010 гг.), материал по макарьевской теме никогда целенаправленно не собирался и попадал к собирателям случайно.

Волга делит Лысковский район на две неравные части – лесную (левобережную, заволжскую) и равнинную (густонаселенную правобережную, расположенную вдоль старого Казанского тракта). К заволжской части района относятся само с. Макарьево и 5 населенных пунктов (с. Валки, с. Великовское, д. Нижний Красный Яр, д. Черная Маза, с. Сельская Маза), образующих Валковский сельсовет. Этот участок Лысковского района отрезан Волгой от основной части района и образует своеобразный тупик, будучи зажатым между населенными пунктами Борского и Воротынского районов области. Однако именно эта примонастырская сельская территория и стала главной зоной поиска преданий и легенд на макарьевскую тему. Экспедиция 2023 г. ставила перед собой ряд конкретных вопросов: как история монастыря и святого Макария отражена в современной местной устной традиции; насколько богат устный материал в количественном и качественном отношениях; в какой мере этот материал пересекается с книжным житием Макария и с традиционными сюжетами устной исторической и религиозной прозы; насколько он в целом типичен

для фольклорной истории монастырей. Легендарный материал о монастыре оказался представлен рассказами о подземных ходах и затонувших колоколах, выявил специфическую макарьевскую топонимику, связанную с бурлацким и разбойничьим прошлым этих волжских мест [Шеваренкова 2026].

В церковной культуре монастырь, названный в честь того или иного святого, является центром его официального почитания, увековечивая память о его жизни, деяниях и чудесах в самой номинации обители и в почитаемых на территории монастыря святынях – предметах церковного культа (иконы), природных и рукотворных объектах (источники, камни, деревья, тропы и пр.). Соседствующая с монастырем сельская территория, попадая в сферу его культурно-религиозного влияния, почти всегда становится зоной бытования рассказов о самом монастыре, о святом основателе обители и о монастырских святынях, если они «приняты» местным сельским социумоми активно «используются» в повседневных, окказиональных и календарных практиках.

Собственно агиографических рассказов о Макарии на прилегающей к Желтоводскому монастырю территории записано крайне мало, они почти не дают вариантов; рассказов чудесного содержания, где Макарий выступал бы в традиционной для образа «народного» святого роли помощника человека в различных бедах, нам записать не удалось. В житийных нарративах угадывается книжный первоисточник, однако краткость изложения не дает оснований считать их пересказами книжного текста. Рассказы зафиксировали ключевые эпизоды пребывания святого в этих местах – выбор места для монастыря, нападение татар и пленение, спасение от врага и исход на Унжу: «Он просто был, я не знаю, он где родился, только искал уединения, где бы ему. Тут же леса были у нас непроходимые, здесь вот улица-то была, вот речка текла, здесь лес непроходимый был. <…> И вот он доехал до Макарьево, и как раз Волга-то поворачивает вот так вота, и мысо́м, мы́сомкак-то. Ему понравилось это место. Сюда куда ни взглянешь, здесь вода, а сюда – лес сплошной, зелень, ему понравилось место. И вот он стал тут, остановился, сделал себе земляночку и жил в ней. А потом к нему стали присоединяться мужики, они, это,

когда собралось их человек шесть ли, семь ли, и они решили: «А давайте сделаем здесь пристанище» – как монахам чтобы здесь, ну и давай строить» (Зап. Ю.М. Шеваренкова в 2023 г. от Зои Ивановны Веретёхиной, 1934 г.р., в с. Валки́ Лысковского м. о.).

«Путь святого – один из важнейших сюжетообразующих мотивов народной агиографии. Значительная часть легенд, посвященных святым, рассказывает об их приходе, первых контактах и конфликтах с местными жителями и их последствиях» [Мороз 2009, с. 58]. Приход Макария и выбор им места осмыслен в приведенном рассказе просто: «понравилось», что придает локусу статус богоизбранного[4]. Далее, согласно житию, случилась трагедия: на обитель напали татары, часть насельников была убита, часть оказалась в плену в Казани. Однако проникнувшись уважением к личности старца, хан отпустил невольников. Этот агиографический эпизод нашел отражение и в устных рассказах: «Когда эти, татары-ти пришли и ево эта, разорять, а у хана ж, у ково, я не знай точно (мама чё-то говорила, но я не помню). <…> Не то жена ослепла, не ослепла, а заболела, и этот Макарий-т вроде ее вылечил, вылечил. И этот хан сказал, что "иди куда хочешь". Отпустил его, и он лесами там везде где-та шел, не знай где, и пришел вот на Унжу на реку и там тоже выстроил храм, а где вот храм там – не знаю» (Зап. Ю.М. Шеваренкова в 2023 г. от Татьяны Александровны Мироновой, 1938 г.р., в с. Великовское Лысковского м.о.); «Макарий Преподобный подошел к начальнику, руководил кто, татары-то, говорит: "Разрешите нам похоронить его" [убитого – Ю.Ш.]. Одного похоронили, второго, и вот этого начальника, значит, душа забрала, прям вот захватила его: он людя́м вреда не делает, он только вишь какой милосердный, даже хоронит мертвых-то, чтобы не издевались над ними, а-то и звери могут, и всё. Ну вот это – его отпустили, этого Макария Преподобного, сжалился» (Зап. Ю.М. Шеваренкова в 2023 г.

[4] Мотив выбора места – один из структурообразующих мотивов преданий о возникновении нового поселения [Криничная 1987, с. 41–43, 48–52]. В исторических преданиях выбор места нередко объясняется рациональными причинами (качество земли, природные богатства и пр.); в легендах рациональное уступает иррациональному: знакам свыше, действию провидения, наитию духовного лидера.

от Зои Ивановны Веретёхиной, 1934 г.р., в с. Валки́ Лысковского м.о.). Пленение Макария татарами может быть рассмотрено и в контексте преданий о нападении внешнего врага [Соколова 1870, с. 33–48], и в контексте легенд о нападении разбойников на святого [Мороз 2009, с. 119], но финал истории осмыслен в христианском ключе – как проявление милосердия врага к противнику.

Отпустив Макария, хан тем не менее запретил ему селиться на прежнем месте. Однако Макарий ненадолго вернулся к разрушенному монастырю, чтобы захоронить убиенных, и покинул местность у Желтого озера, уйдя на Унжу [Макарий 1850, с. 33–40]. Тема ухода святого из местности в традиционной культуре нередко осмысляется через мотив обиды/наказания/проклятия: уходя из «плохого» места и от «плохих» людей, святой предрекает этому краю различные беды (голод, болезни, недостачи, катаклизмы) [Мороз 2009, с. 58–61, 109–111, 150–183]. В нашем случае мотив проклятия не реализуется. Изгнание происходит не по воле местных, а по воле врага, и уход святого, таким образом, выглядит не только изгнанием, но и спасением, а дальнейшая деятельность святого – не местью, а созиданием: «Монастырь этот был деревянный. Потом, когда потом сожгли его, начали каменный строить. Мы, говорит, тебя не казним, но если ты уйдешь отсюда. И вот он в последствие ушел на Унжу. Там тоже он поставил вот этот вот второй Макарьевский монастырь» (Зап. М.В. Дыдыкина, Д.С. Тарасова в 2023 г. от Владимира Ивановича Халюкова, 1961 г.р., в с. Макарьево Лысковского м.о.); «Его отсюда выгнали, такие люди были, выгнали. Он вынужден был идти вверх по Волге на Унжу, там же тоже есть Макарьево, тоже есть монастырь в честь него. Может, он так молился, что его освободили» (Зап. А.П. Крюкова, С.А. Тогушева в 2023 г. от Зои Петуховой, 1946 г.р., в с. Макарьево Лысковского м.о.).

Итак, эти короткие нарративы иллюстрируют ключевые моменты пребывания Макария на Лысковской земле: приход – страдание – изгнание. С одной стороны, в них отражена историческая драма, с другой стороны, они как будто объясняют отсутствие местных рассказов о святом на исследуемой территории: здесь он пострадал, его монастырь был сожжен, а сам он чудом остался в живых и покинул

здешние места. Тема ухода Макария с Волги на Унжу стала лейтмотивом бесед с местными жителями в ходе экспедиции 2023 г., и на вопросы о Макарии собиратели получали один и тот же ответ: «Так он же ушел отсюда!» – который как будто делал бессмысленным продолжение расспросов о святом. В то же время нам ценна реплика одной из информанток: «*Мама чё-то говорила, но я не помню*», свидетельствующая о наличии здесь в прошлом житийных рассказов о Макарии.

На территории Желтоводского монастыря и в населенных пунктах, близких к Макарьеву, отсутствуют почитаемые природные объекты, связанные с именем святого. В то же время именно природный объект чаще всего «прикрепляет» имя святого к определенной местности, «материализует» память о святом [Мороз 2009, с. 56], и эта местность понимается как территория его жизни и деятельности в прошлом, место его вневременного присутствия и пространство его постоянных чудотворений в настоящем (явлений, исцелений); наличие на той или иной территории сакральных объектов, приписываемых деятельности святого, способствует и актуализации в данной местности житийных легенд о нем. Закрепленное в названии обители имя Макария нагружает фигуру Преподобного историческим и героико-трагическим смыслом, однако отсутствие вблизи «его» монастыря подобных «дополнительных» почитаемых святынь делает фигуру святого более абстрактной, книжной, дистанцирует ее от современного человека, не позволяет образу святого развиваться через иные сюжеты преданий и легенд, кроме агиографического сюжета его исхода на Унжу.

Впрочем, скорее всего, мы имеем дело с *забытыми* почитаемыми природными объектами, а не с их полным отсутствием. В ротонде монастыря лежит могильный камень игумена Авраамия (ум. 1640 г.), который в 1620-ые гг. заново отстроил разрушенный татарами в 1439 г. Желтоводский монастырь. Кроме того, на территории монастыря еще во времена Макария были захоронены в братской могиле убиенные татарами насельники. В «Сказании о жизни и чудесах преподобного Макария», изданном профессором и иеромонахом Макарием в 1850 г., находим уникальное свидетельство почитания могилы Авраамия и братской могилы монахов:

«Тело Авраамия положено в гробнице под памятником на левой стороне при входе в монастырь из святых врат. Над ним, равно и над убиенными от татар, богомольцы часто совершают панихиды» [Макарий 1850, с.28]; «От камней, поставленных над могилами убиенных иноков и возобновителя Желтоводской обители Авраама, приходящие богомольцы берут с верой кусочки и излечиваются от зубной боли» [Макарий 1850, с. 42]. Что касается последнего уникального факта, то здесь мы имеем явное совмещение нескольких официальных и неофициальных традиций: поминальной службы на братском захоронении убитых монахов, почитание могилы христианских мучеников и почитание святого камня [Виноградов, Громов 2006] с традиционным для культа камней откалыванием кусков и использованием их в медицинских целях, однако в качестве почитаемого камня выступают могильные камни-надгробия[5]. Нам ничего не известно об особом отношении современных прихожан и паломников к могиле убитой братии, расспросы местного населения дали крайне скудный результат. Единственное свидетельство: камень Авраамия «исцеляет, к нему прикладываешься, говоришь, что болит» (Зап. А.П. Крюкова, С.А. Тогушева в 2023 г. от Ирины Львовны, 1964 г.р., в с. Сельская Маза Лысковского м.о.), впрочем, никаких следов человеческой деятельности (сколов), способных рассказать о ритуальном использо-

[5] Северо-восток Нижегородчины (Заволжье), с которым граничит Лысковский район, является одной из пяти зон распространения в Центральной России практики возложения камня на могилу [Громов 2023]. В нижегородской заволжской традиции он осознается местными жителями как пристанище души умершего и соответственно медиатор в общении с покойным, как защитник покойного от нечистой силы и, наоборот, защита от самого покойника [Александрова, Ляпаева 2023, с. 62–68]. Эта локальная нижегородская практика помогает объяснить наличие камней на могилах убиенных монахов и Авраамия, однако она не объясняет почитание этих камней. Вероятно, мы также имеем дело со средневековым маркированием безымянных могил посредством камня, а вот их ритуальное использование является следствием переноса на них распространенных практик почитания *святых камней* (следовиков, приплывших, прилетевших, растущих камней и т.п.). Кроме того, и сами могилы могли в прошлом пониматься как святые.

вании камня, на нем нет. Местными жителями медицинские практики с ним, вероятно, забыты (или были пресечены монастырем, поскольку объект находится на территории монастырского комплекса), а туристами он воспринимается как музейный экспонат под открытым небом или обычное надгробие, коих на территории монастыря немало.

Конечно, в поисках следов почитаемых макарьевских/монастырских природных объектов можно обратить внимание и еще на одну историю, рассказанную молодой жительницей с. Валки́ о заброшенном источнике в местечке Гачки́ за с. Валки́: «Здесь у нас источник есть. Выбитый. Вот как Моисей выбил однажды воду из скалы жезлом, также наш батюшка Макарий – недалеко от Валков источник своим же посошком из земли, чтобы людям напиться. Это около Валко́в. <*Как он называется?*> Он никак не называется. Я тоже еще только начинаю все это узнавать… Его забыли, вы понимаете? Никому ничего не надо. Там был срубик, источник бил из-под земли, поставили срубик, там крышечку, чтобы ни грязь, ни листик, ничего, крест поставили. Но это было давно, потому что там все сгнило. Ну, когда давно, наверное, 100 лет назад, когда еще было все, когда люди-то в храм ходили. <*А как появился источник?*> Макарий Желтоводский напоить людей вывел из-под земли источник. С молитвой: ударил посохом своим деревянным. Вот это предание, оно сохранилось! Это не легенда, это предание: передается из уст в уста! У кого ни спросишь в Валка́х – никто не знат!» (Зап. Ю.М. Шеваренковав 2023 г. от Ольги Гараниной в с. Валки́ Лысковского м.о.). Сюжет о выбивании источника святым относится к распространенным фольклорным сюжетам о появлении водных святынь[6]. И потому мы вполне можем иметь дело с забытой святыней и забытой легендой, тем более что почитание водных объектов (источника, озера, колодца) характерно для *локальных народных* культов Макария в других районах Нижегородской области, а также в Костромской [Кувшинская, Харитонова] и Архангельской областях [Каргополье 2009, с.122–129,

[6] На территории Нижегородской области легенды о выбитых родниках объясняют, в частности, происхождение источника Серафима Саровского в Дивеевском районе [Шеваренкова 2021, с. 216–217, 532].

164, 234, 259–263][7]. Однако единичность рассказа заставляет нас на данный момент сомневаться в привязке легенды к этой местности.

Макарьев – торговая сторона

С 1779 г. Макарьев имел статус города. До 1816 г. у стен монастыря располагалась знаменитая Макарьевская ярмарка, не только ставшая масштабной общероссийской коммерческой площадкой, но и сформировавшая вокруг себя специфические купеческие традиции. Ярмарка открывалась в середине июля коллективным молебном Макарию, а заканчивалась к Медовому Спасу; у купцов было принято делать щедрые дары монастырю на удачную торговлю. После пожара 1816 г. ярмарка была переведена в Нижний Новгород, что привело к утрате монастырем и городом главного источника дохода, и в 1868 г., после обрушения монастырских стен в результате подмыва берега, Желтоводский монастырь был упразднен. Макарьев же как место первоначальной ярмарки получил неофициальное имя Старый Макарий. Выражение «у Старого Макария»[8] и макарьевские присловья («В Китае дерутся, а у Старого Макария караул кричат» [Мельников 1976б, с. 112]; «Съездить к Макарию – два дела сделать: поторговать да покуликать» [Мельников 1976б, с. 125]; «Съездить к Макарию – два дела сделать: поторговать да попировать» [Боголюбов 1862, с. 186]) надолго закрепились в языке купечества.

В 1883 г. Желтоводский монастырь вновь открывается, но уже как женский. Однако это событие не изменило стремительного упадка города и угасания памяти о Макарии, о чем начиная с середины XIX в. неоднократно писали составители путеводителей по Волге [Боголюбов 1862, с. 199–200; Монастырский 1884, с. 76; Андреев 1910, с. 137].

Ценные свидетельства почитания Преподобного при «Старом Макарии» находим в романе П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «На горах», впервые изданном в 1871–1874 гг. В нем писатель дает

[7] В открытых источниках также можно найти информацию о том, что рядом с Решемским монастырем в Ивановской области находится почитаемый колодец Макария.

[8] В романе «В лесах» П.И. Мельников (Печерский) многократно использует это устоявшееся выражение.

поэтическую и ностальгическую этнографическую зарисовку ярмарочных традиций, вместе с тем показывая переломный характер исторической эпохи через разрушение десятилетиями сложившейся примонастырской и приярмарочной традиции одаривания нищих во имя преподобного Макария: «Плывут, бывало, нищие по Волге, плывут, громогласно распевая про Алексея божия человека, про страшный суд. <…> Далеко по широкому раздолью разносятся, бывало, заунывные голоса, доносятся они и до прибрежных сел и деревень. И от каждого села, от каждой деревни выплывают ко Христову кораблику лодочки с христолюбцами, и подают те христолюбцы Христовым корабельщикам доброхотное даяние – хлеба караваи, бочонки квасу, печеные яйцы, малину, смородину, не то новины отрезок, либо восковую свечу к иконе Макария. Деньгами подавали редко, но иной раз какой-нибудь богатей раскошелится и пошлет на Христов корабль ставешок медных грошей да копеек, молили бы бога о спасенье души его. Хворает ли кто у него, трусит ли он затеянного не больно надежного дела – непременно пошлет деньги на каждый Христов кораблик, когда плывет он мимо его жилища. <…> Не плавают больше по Волге Христовы кораблики, не видать на ее широком раздолье Христовых корабельщиков – только искрами, дымом и паром дышащие пароходы летают по ней. По лону могучей реки, вместо унылых напевов про Лазаря, вместо удалых песен про батьку атамана Стеньку Разина, вместо бурлацкого стона про дубинушку, слышится теперь лишь один несмолкаемый шум воды под колесами да резкие свистки пароходов. Стародавний, дедами, прадедами уставленный обычай раздавать милостыню под конец ярманки на новом месте не сохранился. <…> Не плетутся теперь на ярманку по пыльным дорогам певучие артели слепцов и калик перехожих, не плывут по Волге Христовы корабельщики, не сидят на мостах с деревянными чашками в руках слепые и увечные, не поют они про Асафа царевича» [Мельников 1976б, с. 210–211].

Краевед и географ Н.Н. Оглоблин, посетивший Макарьев летом 1904 г., в очерке «Старый Макарий» писал о поразившей его безжизненной атмосфере «убогого, умирающего городка»: «Становилось просто жутко от этого безлюдья. Угрюмо и молча стоят пустые дома,

многие с заколоченными окнами и входами, другие на замках. Ни детского крика, ни лая собак, ни говора людей – ничего и нигде не слышно. Совсем мертвый, какой-то зачумленный город… Редко попадавшиеся фигуры горожан – все какие-то изможденные, унылые, вялые, сонные, с тупыми взглядами и полным отсутствием жизни в лице» [Оглоблин 2023, с. 124].

Ликвидация ярмарки привела к разрушению социальной и культурной структуры торгового моногорода, выросшего вокруг привилегированного монастыря, основным доходом которого была прибыль с торговли и щедрых купеческих вкладов. Потеря монастырем своего градообразующего статуса и ведущей роли в социально-экономическом развитии прилегающей к нему территории, а также его временная ликвидация не могли не сказаться и на статусе святого Макария, постепенно утратившего в данной местности свою основную функцию покровителя в торговых делах. Кроме того, Желтоводский монастырь будучи монастырем городским, вероятно, уже в середине XIX в. постепенно выходил из сферы крестьянского притяжения, а фигура Преподобного на лысковской земле оказалась вне контекста крестьянской повседневной православной жизни, трудовой деятельности и сельскохозяйственной календарной обрядности.

В 1958 г. Макарьев стал поселком, а затем селом. Торговое прошлое края все же давало о себе знать в советское время: 7 августа, в Макарьев день, в селе проходила ежегодная сельскохозяйственная ярмарка, но и она в итоге была перенесена на другую сторону Волги – в г. Лысково, превратив макарьевскую сторону в труднодоступную провинцию Лысковского района[9]. В советскую эпоху в корпусах монастыря располагались различные светские учреждения (детский дом, госпиталь, ветеринарный техникум), но в 1990-ые гг. женская обитель была восстановлена, и сейчас в ней находится православная реликвия – глава преподобного Макария. В связи с повышением уровня воды в Чебоксарском водохранилище макарьевская округа попала в зону затопления и расселения, что в очередной раз способствовало оттоку местного населения с макарьевской территории.

[9] В летний период добраться до Макарьева от райцентра можно только по воде, зимой – по льду.

По воспоминаниям местных жителей, в довоенное время из окрестных деревень ходили в Макарьев с крестным ходом молиться о дожде, а в военное и послевоенное время через Макарьев проходила своего рода «дорога жизни», когда крестьяне соседнего Воскресенского района через Макарьев добирались по Волге на базар в Лысково, чтобы обменять на продукты дикие ягоды, вещи и изделия кустарного производства: «Раньше ходили, но не молиться, а за пропитанием [в с. Макарьев]. В войну отсюда возили топорища, деревянные изделия – лопаты. Меняли на зерно, на муку, туда на санках и обратно на санках, пешком на санках. Вот да, до Волги доходили, до Лыскова. Ну то есть ходили на Волгу. Там ярмарка была, вот свозили всё» (Зап. О. Солодова, Д. Маркелова в 2024 г. от Василия Борисовича Миронова, 1961 г.р., в д. Егорово Воскресенского м.о.); «Дорога была на Лысково, на Макарьевскую ярмарку. Все торговать ходили. Потом здесь местное население занималось сбором ягод, клюквы. Вот здесь была дорога пешая: ходили в Макарьев, там торговали, обменивали там всё на продукты. Делали санки, делали кисточку, ткали рогожку из мочалы: драли липы кору, мочили ее в озере и потом вешали на такие палки. Оно просыхало и называлось лубки. От этих лубков отделялся слой, называлось мочало, из которых делали кисточки разные» (Зап. М. Долгополова, С. Биляевская в 2024 г. от Надежды Викторовны Медведевой, 1959 г.р., в с. Нести́ары Воскресенского м.о.); «Дорога была лесная. До Лыскова было 60 кило́метров, если напрямую идти. <…> Ходили люди, наши матери, ой, чтобы нас прокормить <плачет – Ю.Ш.>. Саночки ненужные из дома брали, чего-нибудь чего ненужное брали продать, чтобы, бывало, говорили, чтобы какие-нибудь ленточки тебе бы – косички заплести. Всё-всё везли, чтобы нас прокормить, а было трое. <…> Говорили, что кто-то шли из Лыскова этой лесной дорогой и заблудилися. Заблудилися и вот слышали звон, колокольный звон, и на этот звон они, заблудившиеся, вышли» (Зап. В. Назаренко, Д. Хорошенкова в 2024 г. от Лидии Николаевны Белянковой, 1938 г.р., в с. Нести́ары Воскресенского м.о.).

В настоящее время Желтоводский монастырь называют «туристической жемчужиной Поволжья», а посещение монастыря входит в

экскурсионную программу различных речных круизов. Однако экскурсионная привлекательность места, на наш взгляд, формируется не столько православными, сколько эстетическими запросами посетителей (можем утверждать, что сюда едут не к Макарию, а в Макарьево). Главным фактором формирования монастырского паломничества является наличие в том или ином монастыре почитаемых рукотворных или природных святынь, почитаемых мест, связанных с жизнью монастырских подвижников, а также самой фигуры актуального святого, чтимого как универсальный помощник или имеющего свою «специализацию» в народной культуре. Вокруг этих объектов и личности святого возникают циклы нарративов и ритуальные практики, формируя «свое», «намоленное место», которое со временем может стать привлекательным не только на локальной сельской территории вокруг монастыря, но и для массового паломничества. Будучи объектом исторической значимости и центром сохранения христианского культурного наследия, а значит, и привлекательным объектом для туризма, Макарьевский Желтоводский монастырь в настоящее время не является (прежде всего, для местного социума) местом пересечения народного и официального православия, способным формировать свой круг легенд и различных неофициальных традиций (повседневных и календарно приуроченных визитов, медицинских практик у святынь и т.д.). Не является он и объектом масштабного паломничества, что в целом свидетельствует об утрате им статуса легендарного и чудотворного пространства, каким он обладал в глазах православного человека XVI–XVIII вв.

Чудо о лосе

Как видим, результат поисков легенд о Макарии в заволжской части Лысковского района оказался скромным. Поиск легендарного материала на противоположной от монастыря стороне реки, в правобережной части района, не привел к положительным результатам. Это заставило нас расширить географию поисков макарьевской темы в нижегородской фольклорной традиции и привлечь к исследованию не только современный полевой материал, но и справочную, этнографи-

ческую и художественную литературу XIX–XX вв., содержащую уникальные факты народной культуры, уже не встречающиеся в живом бытовании, а также материалы нижегородских краеведов XX–XXI вв.

Недолгое пребывание Макария в построенной им Желтоводской обители, ее разрушение и исход подвижника на Унжу в XV в., а главное, слишком большой временной отрезок, отделяющий эти события от современности, может объяснить скудость фольклорных материалов о нем на территории заречной части Лысковского района. Однако тема *ухода*, мотив *дороги* обусловили дальнейшее развитие официального и народного культа святого, наметили векторы распространения легенд о Макарии и географию этих легенд, охватившую едва ли не все северные (заволжские) районы современной Нижегородской области: Семеновский, Городецкий, Сокольский, Чкаловский, Варнавинский, Ветлужский.

Так, с личностью Макария связана одна интересная легенда, которая стала своего рода визитной карточкой и самого святого, и Желтоводского монастыря в путеводителях по Волге и волжским городам второй половины XIX – начала XX в. Это легенда о Макарии и лосе, добровольно приносящем себя в жертву голодным путникам [Кучин 1870, с. 35–38; Демьянов 1900, с. 198; Андреев 1910, с. 136]: в Петровский пост Макарию и его сподвижникам в лесу встречается лось, но святой запрещает его убивать, обещая, что лось сам придет к ним на съедение, лосю отрезают левое ухо, а после окончания поста меченый лось сам выходит к людям. Чудо о лосе восходит к житию святого [Макарий 1850, с. 45–49] и привязывает историю к тому моменту, когда Макарий и оставшаяся в живых братия ненадолго вернулись из казанского плена к сожженному татарами монастырю захоронить убитых монахов, а потом лесами отправились на Унжу. Можно предположить, что легенда была известна в заволжских и керженских местах Нижегородской губернии в устном бытовании, но в современном устном виде ее следы не зафиксированы.

Несмотря на очевидный книжный источник «чуда о лосе», сама легенда гораздо более архаична, нежели ее привязка к Макарию. Как показали исследования А.Б. Мороза и А.А. Панченко [Мороз 2013а; Мороз 2013б; Панченко 2012, с. 65–75], легенда имеет первоисточником «Страдания св. Афиногена Пидахвойского», связана не только с

языческими, но и с раннехристианскими практиками жертвоприношения [Мороз 2013а, с. 237–238], имеет многовековую историю и обширный ареал бытования (Балканы, Кавказ и Причерноморье, Русский Север и др.), пройдя путь из античной культуры к южным славянам, затем на Русь и далее – к финно-угорским народам. На территории современной России легенда известна на Севере, в Карелии, Коми и объясняет обряд жертвоприношения домашнего животного (ежегодно олень добровольно выходит на заклание, но однажды он не приходит, и тогда в жертву приносят домашнее животное), приуроченного к Ильину дню, Петру и Павлу, Фролу и Лавру и другим церковным праздникам. В Центральной и Южной России, по утверждению А.А. Панченко, традиция заместительного жертвоприношения не выявлена [Панченко 2012, с. 69], а легенда о святом (его имя в локальных традициях варьируется) и лосе/олене бытует без привязки и вне связи с обрядом [Мороз 2013а, с. 234] – это мы и видим на нижегородском материале[10].

Легенду о лосе («сохатом»), героями которой являются Иисус и апостол Петр, опубликовал также в 1923 г. костромской краевед А. Ширский [Ширский 1923, с. 7], сообщив, что собирал предания в Котельническом и Ветлужском уездах (Ветлужский уезд вошел в состав Нижегородской области в 1922 г.).

[10] В то же время А.А. Панченко высказывает наблюдение о родстве этих жертвоприношений с обетными праздниками и ильинскими братчинами [Панченко 2012, с. 69–70]. Материалы костромской и нижегородской территорий позволяют с этим согласиться. Так, на территории Варнавинского уезда Костромской губ. (сейчас Нижегородская обл.) еще в начале XX в. фиксировалась Микольщина (Никольщина) – обетное жертвоприношение бычка в случае гибели скотины в личном хозяйстве крестьянина [Завойко 1917, с. 9–15]. А на территории бывших Макарьевского и Семёновского уездов Нижегородской области на Ильин день устраивали братчины с коллективным убиением барана [Корепова 2009, с. 361]. Заместительное заклание домашнего животного на Русском Севере, нижегородские ильинские братчины, нижегородско-костромская Микольщина обнаруживают ряд схожих черт (отбор и выращивание жертвенного животного, сбор подаяния по деревне, молебен в честь святого, коллективная трапеза, дарование части мяса местной церкви). Намек на связь петровских братчин с житийной макарьевской легендой о лосе есть и в романе «В лесах» П.И. Мельникова (Андрея Печерского) [Мельников 1976а, с. 178–179].

Легенда о лосе и Макарии имела, вероятно, в прошлом широкое устное распространение на Нижегородской и Костромской земле, поскольку нашла отражение в заволжской топонимике. Так, Лосий дол в Сокольском районе области у с. Богословка, по утверждению краеведа А. Леднева, и есть «место, где происходило чудо о лосе, описанное в его житии» [Леднев 2015, с. 144–145].

Целый набор топонимов обнаруживается в Семёновском районе области, при этом на данной территории произошла замена лося оленем. Первое упоминание оленьего топонима находим в житии святого 1850 г. авторства профессора иеромонаха Макария: «По преданию, и само место, где поймано было, по молитвам Преподобного, животное из рода оленей, полагают в названной от того деревне Олененве, находящейся в 12 верстах от г. Семёнова к Нижнему и в 3-х верстах от Оленева или Оленинского скита» [Макарий 1850, с. 46].

Макарий упоминает не только д. Оленево, но и Оленевский (Оленинский) скит – один из центров нижегородского старообрядчества (хотя возник он еще до раскола, в 1568 г., и связан с именем Анфисы Колычевой). П.И. Мельников, в начале 1850-ых гг. исследовавший в составе царской комиссии заволжские старообрядческие скиты Нижегородской губернии, в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» написал об Оленевском ските следующее: «По раскольничьим преданиям, Оленевский скит был основан в половине XV ст. учениками Св. Макария Желтоводского» [Мельников 1910, с. 130][11]. Мы не располагаем официальными данными об этом факте, но в эпоху раскола на месте бывшего православного скита Анфисы Колычевой действительно возникает большое старообрядческое поселение, которое, вероятно, и восприняло топонимическую и легендарную историю местности и «присвоило» ее себе. При этом легендарный и житийный образ *лося* в старообрядческой среде вытеснился образом *оленя*[12].

[11] К сожалению, подлинник отчета П.И. Мельникова 1854 г. считается утерянным, опубликованная в 1910 г. его копия была издана без дополнительных материалов и приложений, в которых как раз и содержались исторические и этнографические сведения о ските.

[12] Впрочем, такая взаимозамена образов в легенде выглядит в некоторой степени объяснимо, если учитывать внешнюю схожесть этих животных и тот

Проясняют связь лося/оленя со старообрядческой средой легенды, которые приводит в своих книгах краевед из г. Семёнова Нижегородской области А.И. Майоров. Так, в книге «Сказания Керженца-реки и края Семёновского» он ссылается на рассказ о. Николая (Субботина), «священника староправославного вероисповедания», который в общих чертах совпадает с житийным чудом о лосе/олене, съедение которого Макарий отсрочил на несколько дней. А дальше автор пишет следующее: «Место, где монахи останавливались на ночлег и увидели в лучах восходящего солнца большого оленя, стали называть Большим Оленевым, а место, где тот же олень повстречался им второй раз, называют Малым Оленевым. Позднее на этих местах стали селиться люди» [Майоров 2005, с. 35–36]. В книге «Скиты Керженского края» А.И. Майоров приводит еще одну версию названия скита: олень выходит к сподвижникам Макария, но его красота не позволяет им убить его, тогда Макарий видит в этом знак свыше и повелевает монаху Оленею основать на этом месте обитель. Завершая рассказ, автор добавляет: «Вот поэтому скит, возникший здесь, одни называют Оленейским, а другие – Оленевским» [Майоров 2007, с. 19]. В этой истории краевед явно объединил две разные местные версии названия скита: первая связана с животным, а вторая – с прозвищем/именем человека и вполне соотносится с традиционным фольклорным сюжетом преданий о названии деревни по имени первопоселенца[13]. Учитывая, что А.И. Майоров много общался со старожилами и старообрядцами, приводимые им легенды, пусть в художественном пересказе и в контаминации, вызывают доверие, а сам материл свидетельствует об укорененности в старообрядческой среде «чуда об олене/лосе».

факт, что до середины XIX в. северные олени действительно водились на территории Нижегородской губ., но полностью исчезли в результате хозяйственной деятельности человека, пожаров и как следствие сокращения кормовой базы [Морохин 2023, с. 353–354].

[13] В Нижегородской обл. есть и другие топонимы с узнаваемым русским корнем *олен-*: Оленина гора на противоположном от Желтоводского монастыря берегу Волги, на которой в XIV–XVII вв. располагалась оборонительная крепость; д. Оленино в Богородском районе (на р. Ока). Что касается необычного имени героя предания, Оленей, можно предположить неславянское происхождение одного из монахов в коллективе Макария.

Распространенность в старообрядческой среде легенды об олене способствовала развитию ее вариативности и замене в одном из вариантов Макария Желтоводского на ветхозаветного пророка Моисея, 40 лет блуждавшего с иудеями в пустыне: особое отношение старообрядцев к этому библейскому персонажу возникло благодаря аналогии с блужданием староверов в поисках обетованной земли для нового поселения. Такая легенда была записана в Кстовском районе области (в прошлом – часть Макарьевского уезда Нижегородской обл., сейчас граничит с Лысковским районом) от старообрядки спасовского согласия: «Моисей когда водил народ в пустыне сорок лет, явился им олень. Кто-то хотел его подстрелить. Но он им сказал – отпустите, нам Бог даст пищу, а запасать не надо <далее текст кратко повторяет чудо о лосе – Ю.Ш.>» [Савельева, Новикова 2001, с. 42][14]. Интересно, что в православной гимнографии, посвященной Макарию, он прямо сопоставляется с ветхозаветным пророком Моисеем, вызволившим иудеев из пустыни: «Вторый Моисей явился еси, преподобне <…> и непроходную пустыню мятежным умом прошел еси, <…> гладныя люди до изобилия прекормил еси» (кондак, глас 2).

Варьирование *лось/олень* даже в пределах легенды, отождествление и взаимозамена этих животных с середины XIX в. станут нормой во всей литературе, посвященной святому. И только в редких случаях они разводятся как разные животные. Так, в «Путеводителе по Волге между Нижним и Астраханью» 1870 г. автор, красочно пересказав историю встречи макарьевских путников *с лосем*, в заключении пишет о том, что странники с тех пор всегда были сыты: «Иногда являлся им с кротостью *лось*, иногда *олень*» [Кучин 1870, с. 38].

Таким образом, сюжет о святом и жертвенном лосе/олене имел как в целом по России, так и в Нижегородской губ. в прошлом весьма разнообразные привязки к священному персонажу, а вот объединение в одном сюжете этих животных и Макария является специфическим *нижегородским* вариантом. И в любом случае у нас есть основания говорить о почитании Макария в нижегородской старообрядческой среде.

[14] Ср. украинскую легенду о том, что Бог послал в пустыне Моисею и его голодным путникам куропаток [Белова 2004, с. 294].

Отголоски чуда о лосе прослеживаются также в топонимическом предании, которое записали студентки ГГУ в 1977 г. Это предание объясняет название лесного урочища Медиолан, расположенного в нескольких километрах от Желтоводского монастыря на р. Потопай возле уже несуществующей д. Хохловка: именно здесь у Желтого озера в XV в. стоял первоначальный деревянный Желтоводский монастырь до его разорения, а в XVII в. располагался скит (Монашеский хутор) возрожденного после Смуты монастыря, названный в честь итальянского святого Антония Медиоланского (Миланского) [Абрамов, Кочетова 2007, с. 60–63]. Название Медиолан (Медолан) рассказчица объясняет так: «Когда я была маленькой девочкой, тут была подземная дорога ("Я вот сам пролезал по ней", – добавлял дед, ее муж). Эта дорога проделана из монастыря во время восстания крестьян. Когда восстание было подавлено, некоторые крестьяне бежали в монастырь. Монах Евфроносий обратился к другим: "Братия, мы не должны их выдавать". И монахи прятали крестьян. Потом власти узнали об этом и 17 монахов сожгли. Они погибли за народ. Их положили в братскую могилу и посадили на этом месте липу и березу. Пройдешь мимо той березы – поклонишься. На этом месте был мёд. Монахи приручили ланей, которые часто приходили сюда. Вот и назвали это место Мёдолань, а потом –Мёдолан» (Зап. Л.В. Рацибурская, Л.В. Ковтырева в 1977 г. от Тамары Сергеевны Малехановой, 1917 г.р., в д. Красные Яришки Лысковского района). Народная этимология, наивно распознавшая в итальянском имени слова «мёд» и «лань», на наш взгляд, может также служить и следом, и косвенным свидетельством известности в данной местности легенды о Макарии и лосе/олене.

Удивительно, но аналогичная замена лося на оленя произошла и в нижегородской геральдике: сейчас на гербе Нижнего Новгорода изображен олень, однако исследования показывают, что до конца XVIII в. это был лось [Арциховский 1946, с. 55–58][15].

[15] В заволжской части Нижегородчины «оленья» тема повсеместно присутствует и в ильинской обрядности: запрет купаться на Ильин день объясняется здесь различными негативными манипуляциями оленя в воде [Корепова 2009, с. 360].

Макарий плывет на камне

Еще одна составляющая макарьевской темы в нижегородской заволжской традиции – это сюжет о плавании святого на камне. Он не имеет житийной основы, но в который раз разрабатывает тему ухода и странствия Макария после разорения Желтоводского монастыря. Вероятно, в прошлом сюжет имел большую зону распространения, и в настоящее время его следы фиксируется в Ивановской, Нижегородской и Костромской областях. Так, согласно преданию о Макариево-Решемском монастыре в Ивановской области, старец Макарий, уйдя из Нижнего Новгорода, основал на р. Лух обитель, а решив покинуть ее, встретил сопротивление своей паствы, тогда он подошел к Луху, выбрал камень и уплыл на нем [Надеенский 2022]. Этот же сюжет стал основой топонимического предания о с. Худынское Лухского района Ивановской области: Макарий идет сюда по воде/приплывает на камне (далее легенда осложняется мотивом проклятия: местные жители не позволяют ему «строиться», и он проклинает их, называя «худыми людьми»/обещая «худо») [Вахровский 2025, с. 25–26]. Предание о плавании Макария зафиксировано и в Костромской области: «Макарий защитил пределы от татар и на челноке плавал на Унже» (Зап. Н.В. Ермаков в 2022 г. от В.Ф. Канюковой в д. Заречье Макарьевского района Костромской обл.)[16].

В границах современной Нижегородской области сюжет фиксируется на территории Варнавинского района (ранее – часть Костромской губернии) и привязывается к плаванию святого по Волге и Ветлуге: «Вышел на Волгу, сел на камень и чудесным образом поплыл сначала вверх по реке от Казани до Макарьева, а потом по Ветлуге. И тут на Ветлуге, в том месте, где теперь стоит село Макарий Притыка, он остановился, приткнулся к берегу» [Морохин 1998, с. 448]. В селе Макарий Притыка (в разное время называлось также Малые Притыки и Притыкино) легенда жива до сих пор: «В общем, наша деревня имела легенду. Макарий Желтоводский и Унженский когда-то плыл по реке Ветлуге на каменной плите против течения. И в этом месте у горы его приткнуло, эту плиту. И, значит, он сошел,

[16] Из материалов костромских экспедиций УрФУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина.

и наше село сначала называли деревней Притыкино. Ну, а потом стали селиться люди. Ну и потом, не знаю, это надо историю копать, потом с годами наше село стало называться Макарий по его вроде как имени. И деревня называлась Макарий Притыка. Даже вот на почте всегда ставился штемпель, и на нем было написано – Макарий Притыка. А потом с годами это стерлось, сейчас просто село Макарий» (Зап. Д. Коренов в 2024 г. от Веры Федоровны Козыревой, 1946 г.р., в с. Макарий Варнавинского м.о.).

Литературно обработанную легенду о плавании Макария «на камушке» находим также в книге «Сказания Керженца-реки и края Семёновского» краеведа А.И. Майорова (он ссылается на рассказ жителя д. Быдреевка), а сюжет уже связывается с плаванием Макария по реке Керженец: Макарий плывет на камушке по Керженцу, по пути останавливается в д. Быдреевка, крестит марийцев-язычников и вкушает с ними в одном дому рыбу, а в начале XIX в. на месте этого дома строят церковь в честь Макария и победы над французами [Майоров 2005, с. 28–30]. Рассказ явно компилятивный, но в нем угадываются традиционные мотивы архаических преданий: святой выступает как миссионер, дружит с «аборигенами», окультуривает местный край, а место его контактов с местными маркируется церковью[17].

Интересно, что на территории современного Варнавинского района Нижегородской области сюжет о плавании святого бытовал и в отношении местного святого Варнавы Ветлужского (ум. в 1445), современника Макария, основателя Варнавинской пустыни на Красной горе в г. Варнавино. Как и Макарий, он считается крестителем марийского Поветлужья. Легенду о плавании Варнавы отразил в своей повести «У стен града невидимого» (1909 г.) М.М. Пришвин: «Святой бросил ризку и поплыл на ней к себе в лес на Ветлугу».

[17] В данной статье мы не учитываем текст о плавании на камне св. Макария, впервые опубликованный А.С. Гациским [Гациский 1877, с. 31–35]. В нем повествуется о том, как Макария прогнали жители Мурома и он на камне поплыл в Нижний Новгород; однако и оттуда его выгнали, за что Макарий проклял город. Сам А.С. Гациский, знаток нижегородской истории, признается, что текст *ошибочно* соотнесен с Макарием Желтоводским. Тем не менее легенду почти дословно повторил Д. Булгаковский и соединил ее с эсхатологической легендой о камне возле нижегородской р. Почайна: когда сдвинется камень, то затопит город [Булгаковский 1896, с. 11–14].

Сюжет о плавании святого на камне в русской агиографии связан с житием св. Антония Римлянина, но сам мотив подобного плавания имеет исключительно фольклорные корни, и спектр святых, с которыми он связан в народной традиции, весьма широк – это *северные* святые Зосима и Савватий Соловецкие, Александр Ошевенский, Варлаам Важский, Стефан Пермский, Прокопий Устюжский [Рыжова 2011; Кузнецова 2015], а также целый ряд малоизвестных местночтимых российских подвижников. Варнава и Макарий составляют в этом перечне «географическое исключение», однако удивительно, что большинство перечисленных святых, включая нижегородских, объединяет одна историческая эпоха – вторая половина XV в. Предания и легенды с мотивом плавания Е.А. Рыжова назвала «миссионерскими», «поскольку в большинстве случаев они повествуют о миссионерской деятельности святого в том или ином крае: об обращении языческих народов в христианство, о сакральном преобразовании пространства, которое выражается в возведении храмов и основании монастырей» [Рыжова 2011, с. 16]. Кроме того, исследовательница обозначила характерные мотивы этой группы преданий: водное плавание, аналогичное водному явлению икон; плавание на камне (плите, лодке, ризе); плавание против течения; остановка по воле божественного провидения на определенном месте; возведение культового объекта на месте остановки; дальнейшее почитание камня [Рыжова 2011, с. 16–18].

Бытование на одной территории схожих легенд о двух разных святых привело в результате к появлению «парной» легенды об их совместном плавании на одном или двух камнях. В раннем житии Варнавы Ветлужского 1752 г. о встрече святых ничего не сказано [Монахов 2010, с. 69–93], а в позднем житии Макария Желтоводского факт его встречи с Варнавой лишь упомянут: Макарий «заходил» к Варнаве в его пустынь [Макарий 1850, с. 50]. Тем не менее считается, что Макарий и Варнава виделись незадолго до смерти первого (этот факт даже стал основой их парной иконы), хотя историки и спорят по поводу возможностей этой встречи [Овчинников 2011].

В разные годы студентами ГГУ/ННГУ были записаны легенды о совместном плавании святых на камне (камнях): «Апостол послал святых Варнаву и Макария вниз по рекам Ветлуге и Унже. Поплыли

они на камнях. Где камни остановятся, там они должны основать церковь или часовни. Макарий доплыл до Унжи до того места, где теперь город Макарий Унженский. Здесь он построил церковь, которая стоит до сих пор. Святой Варнава доплыл на камне до того места, где теперь город Варнавино. Здесь была построена часовенка, в ней находилась гробница с мощами св. Варнавы» (Зап. В. Вихорева, Н. Ерегина в 1973 г. от Виталия Александровича Смирнова, 1906 г.р., в. д. Пахтусиха Ветлужского района); «Варнава был преподобный да Макарий. Когда-то в древнее время плыли они на камне по Ветлуге-реке. Макарий преподобный здесь приткнулся, на той горе, а Варнава дальше приткнулся. Три раза Макарий-Притыка церковь закладывал на Курданской горе, а тот возьмет да перенесет все по дощечке. Это тогда деревянная была церковь-то. И камень был, да нет сейчас, это на котором они приплыли» (Зап. О. Екисина, Г. Стражнов в 1967 г. от Е.П. Ватолиной, 1892 г.р., в д. Макарье Варнавинского района).

Парная версия легенд о плавании святых на камне/камнях содержит вполне узнаваемые мотивы «миссионерских преданий» и преданий о создании соседних поселений братьями, которые Н.А. Криничная относит к числу древнейших [Криничная 1987, с. 30–36]: в данном случае святые основывают церкви. В то же время одна из легенд усложняется мотивом соперничества и вредительства, приобретая признаки близнечных мифов и дуалистических легенд: она не только объясняет закладку церквей в честь святых, но и выставляет одного из героев созидателем (Макарий), а другого разрушителем (Варнава), что в данном случае, вероятно, отражает идею не только легендарной встречи, но и некоего соперничества святых, почитаемых на одной территории. Схожая картина наблюдается в Ивановской области, где бытуют легенды о совместной «деятельности» двух святых – Макария Желтоводского и Тихона Лухского: святые встречаются у раздвоенной сосны, вместе переплывают Лух, однако здесь их пути расходятся – Макарий остается в с. Худынском, а Тихон уходит в д. Городок [Вахровский 2025, с. 27][18].

[18] Интересно, что в русской региональной иконографии XVII–XVIII вв. распространен тип икон, где Макарий изображен в паре с различными местночтимыми святыми (Варнавой Ветлужским, Тихоном Лухским, Иаковом

И, безусловно, уникальной представляется легенда о плавании на камне всех трех святых, где каждый из них выступает в традиционной роли основателя нового поселения: «Плыли на камушке по реке Ветлуге трое святых: Варнава, Тихон и Макарий. Плыли-плыли и однажды увидели, что маленькая речка впадает в Ветлугу против течения. Понравилось это место святому Варнаве. И здесь, на слиянии речки Красницы и реки Ветлуги 24 июня Варнава высадился на берег. На этом месте он основал город, названный в честь его Варнавино. А народ этого города празднует с тех пор 24 июня Варнавинскую годину. После того, как Варнава сошел на берег, Тихон и Макарий поплыли дальше вдвоем. И 29 июня Тихон вышел на берег на слиянии речки Лапшанги с рекой Ветлугой. На этом месте выросло село, которое по речке назвали Лапшангой. Народ в этом селе стал праздновать 29 июня Тихонову годину. После этого Макарий странствовал один. Плавал он, плавал на камешке по Ветлуге, но никак не мог найти подходящее место, чтобы сойти на берег. Надоело реке Ветлуге носить тяжелый камень со святым, и однажды она бросила камень к берегу. Приткнулся камень к берегу 7 августа – выросло на том месте село, которое назвали Макарий Притыка. А жители этого села с тех пор стали праздновать 7 августа Макарьев день» (Зап. А. Шарова в 1970 г. от Павла Алексеевича Шарова, 1920 г.р., в пос. Ударник Краснобаковского района).

Сведений о наличии и почитании камней Макария и Варнавы ни в устной традиции, ни в исторической литературе, посвященной этим святым, мы не обнаружили.

Макарьевская топонимика.

Церкви, деревни, почитаемые природные объекты.

Легенды о прохождении Макарием той или иной местности, о его встрече с лосем/оленем, а также легенды о его плавании на камне раскрывают важную топонимическую тему, закрепляют имя святого

Железноборовским, Прокопием Устюжским, Никитой Переяславским, Александром Ошевенским, Кириллом Белозерским), что говорит об актуальности культа святого для данной эпохи и отражает факт его почитания в различных регионах Центральной России, в Поволжье и на Русском Севере.

в названии различных культурных и природных объектов, создавая обширную географию странствий и остановок святого: Лосий дол в Сокольском районе, старообрядческий Оленевский скит, деревни Большое и Малое Оленево в Семёновском районе, д. Макарьевская полуслободка (так в XVII в. называлось с. Пурех Чкаловского района, вотчина князя Д. Пожарского), д. Макарий Притыка Варнавинского района, с. Макарьевское Ветлужского района (в этом селе в 1826 г. была построена Макарьевская церковь, а название села объясняется тем, что святой здесь останавливался и отдыхал [Морохин 2018, с. 142]). Имя святого сохранилось и в других севернонижегородских топонимах. В с. Воронино Городецкого района церковь в честь Преподобного утрачена, но место возле кладбища, где она когда-то стояла, сохранило название Макарий [Фролова, Еранцев 2014, с. 107].

Если же продолжить разговор о нижегородских церквях Макария, то следует упомянуть несохранившиеся церкви в д. Устье Сокольского района и в с. Воронино Городецкого района. А вот в с. Бриляково Городецкого района Казанская церковь сохранила придел в честь Макария Желтоводского. В с. Быдреевка Семёновского района в начале XVIII в. возник Крестовоздвиженский монастырь с церковью в честь Макария (по преданию, на этом месте во время своего пути Макарий сделал остановку). В с. Лапшанга Варнавинского района находится храм в честь Трех святых игуменов Поветлужья – Варнавы Ветлужского, Макария Желтоводского и Тихона Луховского: по преданию, три святых встречались на этом месте [Бригатова 2026, с. 7]. Престольный праздник «Макарий летний» (7 августа по н. ст.) отмечался в селах Абрашкино и Шумилово Сокольского района, в д. Быдреевка Семёновского района, в с. Бриляково Городецкого района, в с. Макарий Варнавинского района (обязательным элементом праздника был базар).

Закрепилось имя святого и в заволжских гидронимах. Так, в Варнавинском районе, в старице р. Керженец, есть озеро Макарьевская старица. О макарьевских гидронимах на территории современного Лысковского района находим упоминание в путеводителе XIX в.: «До сих пор сохранились в памяти народной названия урочищ от имени этого подвижника, как то: Макариха-поток и Макарь-

ево озеро[19], где он со своими путниками имел ночной роздых» [Кучин 1870, с. 35]. Нередко именно топонимы и гидронимы сохраняют тот самый след фольклорной легенды, который уже утрачен в сюжетном нарративе.

На территории заволжской части Нижегородской области имя Макария носят несколько почитаемых природных источников. Один из них находится в с. Бриляково Городецкого района (в XIX в. называлось Макарье и Макарьево). По легендам, Макарий останавливался в этом месте [Морохин 2022, с. 184]; во время привала ему во сне было явлено основать здесь церковь, а на месте ночевки святого забил святой ключ [Климова 1999, с. 47–48].

Второй почитаемый Макарьевский источник находится в Сокольском районе, рядом с д. Мурзино и д. Тараканово (место более известно как Голиковские ключи по названию уже несуществующей д. Голиково, выгоревшей в 1981 г.), его появление также приписывают Макарию: «Он проходил здесь, спасаясь от татар после разорения Макарьевского монастыря» [Сергеева 2014, с. 23]. По воспоминаниям старожила д. Голиково И.И. Катунова (ум. в 2008 г.), в дореволюционное время святое место было популярно не только у нижегородцев, но и у костромичей и представляло собой сакральный природный комплекс из источника и ели с раздвоенным стволом: через расщелину в ели проносили больного ребенка (считалось, что это помогало от грыжи), а затем купали в источнике [МЦБС Сокольский][20]. У д. Соличное Сокольского района также когда-то была церковь в честь Макария, а современный местный Соличенский источник, вполне вероятно, ранее мог также соотноситься с Преподобным.

Строительство церквей в честь Преподобного, престольные макарьевские праздники, топонимические данные, святые источники

[19] Находится в Лысковском районе Нижегородской области, в старице Волги.

[20] В настоящее время территория паломнического комплекса «Голиковские ключи» вошла в зону формирования туристического кластера Сокольского района как уникальная почитаемая локация, способная конкурировать с почитаемыми источниками Серафима Саровского в с. Дивеево и Дивеевском районе Нижегородской области [Лебедева, Семенова 2019, с. 205–208].

свидетельствуют о локальном почитании Макария Желтоводского в северных районах Нижегородской области.

Выводы

Макарий Желтоводский и Унженский – значимый для Русской православной церкви и государства XVI–XIX вв. святой, почитание которого выразилось в большом количестве посвященных ему монастырей и церквей, богатой литературной и иконописной традиции, в разнообразном в жанровом отношении «макарьевском» фольклоре нескольких российских регионов.

За неимением данных мы не можем реконструировать более ранние формы почитания Макария Желтоводского в народной культуре Нижегородского края. Однако с полной уверенностью можно говорить о том, что и в сельской округе Макарьевского Желтоводского монастыря как официального центра почитания святого, и в целом в заволжской части современной Нижегородской области в настоящее время мы имеем уже осколочную фольклорную традицию. Память о святом сохраняется точечно, а легендарный материал о нем не отличается количественным богатством и сюжетным разнообразием: за последние 150 лет фиксируются лишь разрозненные предания и легенды, которые не собираются в самостоятельные циклы (житийный, календарный, «чудесный»).

Существует определенная сложность выделения собственно нижегородского ареала почитания Макария Желтоводского, обусловленная тем, что современные границы Нижегородской области сформировались достаточно поздно, расширившись за счет присоединения земель Костромской области (в 1922 г. к Нижегородской области отошли Варнавинский и Ветлужский районы) и Ивановской (в 1994 г. был присоединен Сокольский район), где макарьевская тема в фольклоре достаточно выражена. Но если мы все же говорим о современной Нижегородской области, то географию «макарьевских» нарративов образует практически вся заволжская часть региона – Лысковский, Воскресенский, Семеновский, Городецкий, Сокольский, Чкаловский, Варнавинский, Ветлужский районы. Они и составили фольклорный «маршрут» движения святого.

Миссионерский путь святого, если опираться на его житие, пролегает от Ивановской области, где святой основал свою первую пустынь, по территории Нижегородского Заволжья в Костромские земли, где сложился самый богатый официальный и народный культ святого. Сквозная идея всего условно нижегородского цикла легенд о Макарии Желтоводском – это идея движения, пути святого и его остановок, что позволяет не просто очертить широкий ареал его народного культа в нижегородских пределах, но и локализовать его в конкретных населенных пунктах нескольких районов. Этот путь святого маркирован церквями в честь него (многие уже утрачены), почитаемыми природными объектами (источниками), топонимами (названиями сел, старообрядческого скита, сельских локаций) и гидронимами (названиями источников, речных протоков, озер), хотя большая их часть уже утратила легендарное наполнение. «Нередко особенные объекты – результат проявления сакральной силы святого – возникают по пути к основному оговоренному в нарративах объекту движения: святой, не дойдя до конечной цели, останавливается на ночлег в лесу, после чего там возникает святой источник или дерево, под которым он ночевал, становится священным. Так появление святого реорганизует пространство, а вместе с ним и регламентирует поведение жителей, обрядовые практики, систему воззрений на окружающий мир» [Мороз 2009, с. 90]. В нижегородских устных нарративах о Макарии путь святого понимается как путь исхода на Унжу, что делает территорию его движения не столько пространством намеренных деяний Преподобного, сколько точками дорожных остановок «на роздых», облагороженными впоследствии человеком. В современных рассказах святой уже редко выступает «культурным героем» [Криничная 1988, с. 102–108], создающим культурный и сакральный природный ландшафт местности[21], в то время как его житие рисует образ устроителя монастырей и защитника городов от врагов. Преобразующую

[21] В роли фольклорного демиурга святой основывает поселения и нарекает их, закладывает церкви (или дает импульс их строительству), выбивает (копает и т.п.) источники, прокладывает (роет) тропы, раскладывает на местности святые камни и т.п. В Нижегородском регионе всеми признаками фольклорного культурного героя-созидателя наделен Серафим Саровский [Шеваренкова 2021, с. 174–278].

функцию святого [Мороз 2009, с. 82, 111–122], учитывая единичность записей легенд о нем, в современной устной традиции можно назвать стертой.

Два других региона народного культа Макария (архангельское Каргополье и Свияжск в Республике Татарстан) оторваны от центрального очага его почитания, хотя и связаны с центром все той же идеей движения/остановок святого (в этих местах в честь него основаны пустыни). Можем предположить, что карта мест его народного почитания может быть расширена за счёт территорий соседних регионов, расположенных севернее от Нижнего Новгорода, Иванова и Костромы. Так, след макарьевской темы мы имеем в соседнем с Нижегородской областью регионе – на Вятке. Уникальное по своей географической емкости свидетельство было записано экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова в Кировской области: «Есть несколько мест с названием Макарье, так как под Кировом святой Макар завтракал, под Котельничем обедал, в Костромской области ужинал, а в Горьковской – ночевал. И все эти места названы его именем» [Асанова 1998, с. 235].

Если связать идею дороги/остановок святого с теми локальными природными и рукотворными объектами, которые в народной культуре связаны с Макарием, то нижегородский (и не только) материал позволяет выявить интересную закономерность. Если макарьевский объект (названное по имени святого село, сельская церковь, сельская локация, почитаемое место) находится у воды (на берегу), то применительно к нему реализуется фольклорный сюжет о плавании святого на камне; если же объект расположен «на суше» (вдали от реки, внутри деревни), то в макарьевских легендах реализуется сюжет об остановке святого во время пешего пути (и тогда место осмысляется как место его отдыха, встречи с лосем, встречи с людьми). Это наблюдение действует, вероятно, не в любом случае, тем не менее взаимосвязь местоположения макарьевской локации и сюжета объясняющей ее легенды, на наш взгляд, прослеживается.

Характерно также, что путь Преподобного от Ивановской области через Нижегородскую на Кострому затронул важные водные артерии трех регионов – реки Лух, Добрицу, Волгу, Узолу, Керженец,

Ветлугу, Унжу, что соответствует историческим представлениям об освоении и христианизации территорий прежде всего по течению рек.

В то же время, несмотря на обширность этой территории, преподобный Макарий, уроженец Нижнего Новгорода и значимый святой позднего средневековья, в настоящее время уже не является объектом живой фольклорной рефлексии. Размышляя о причинах этого, мы отметили бы несколько факторов, которые привели к затуханию широкого народного культа святого в Нижегородском Поволжье[22].

К настоящему времени и применительно *к нижегородской территории* Макарий утратил те функции, которые вывели его в ранг актуальных и востребованных церковных фигур на волне неспокойной русской истории позднего средневековья и Смуты (защитник края от набегов внешнего врага, крститель языческих волжских народов, покровитель воинства, раненых и пленных). После XVII в. на фоне стабилизации внутриполитической ситуации и устранения тех проблем, на которые был направлен духовный патронаж Макария (набеги татар, сложные взаимоотношения с коренными народностями Поволжья до их христианизации), воинская функции святого, функция защиты местности от вражеских набегов, миссионерско-просветительская функция перестали быть актуальными и потому оказались забыты. И в дореволюционной, и в современной России покровителями различных родов войск были многие русские святые (кн. Даниил Московский, кн. Александр Невский, стц. Борис и Глеб, св. воин Федор Ушаков, Серафим Саровский и др.), имени Макария в этом перечне нет, и даже введение в 2004 г. Дня народного единства, установленного в память о победе нижегородского ополчения над поляками, случившейся, как считалось в прошлом, при духовном покровительстве святого, не вернуло Макарию Желтоводскому былой общенародной известности и места в ранге *актуальных* святых – покровителей воинов.

---

[22] В данном случае мы не будем принимать во внимание вынужденную прерывистость фольклорной религиозной традиции в XX в., поскольку этот фактор не является, на наш взгляд, определяющим: многие народные религиозные традиции, явления и имена жили в ситуации культурного подполья, а в 1980–90-ые гг. вышли из забвения и продолжили свою жизнь в крестьянской действительности.

Дольше всех у святого сохранялась функция покровителя торговли, поскольку напрямую связывала Макария с названной его именем Макарьевской ярмаркой у стен Желтоводского монастыря, но и она со временем стерлась. И дело вовсе не в переводе ярмарки из Макарьева в Нижний Новгород в 1816 г., а в последующей социально-политической трансформации страны в XX в., искоренившей и купечество, и индивидуальную торговлю, и поддерживающие дореволюционное предпринимательство религиозные традиции.

Циклы нарративов «чудесной» тематики с устойчивыми сюжетами о «встречах», «явлениях», «видениях», снах всегда служат показателем живого и развивающегося культа святого в той или иной местности. Нарративов, где Макарий выступал бы в роли чудесного помощника в различных житейских бедах (как целитель, спаситель, учитель, податель жизненных благ), в сельских локальных традициях Нижегородского региона мы не зафиксировали. Универсальная для народного образа святого функция чудесного помощника за Макарием Желтоводским не закрепилась (или, вероятнее всего, утратилась). Качество и количество устного материала о Макарии Желтоводском, ограниченный набор сюжетов преданий и легенд о нем (многие из них записаны в XIX в. и не фиксируются сейчас) свидетельствуют о том, что интерес к его фигуре нанижегородской заволжской территории носит дискретный и локальный характер, сохраняясь отчасти лишь там, где до сих пор есть церкви с престолом Преподобному или почитаемые источники, носящие его имя.

Таким образом, несоответствие исторического багажа и средневекового функционала святого потребностям современной сельской среды вывело его из категории *своих, актуальных, «намоленных»* святых, привело в местах его былого почитания к утрате фольклорных нарративов о нем. Этим и объясняется практически полное отсутствие житийных рассказов о нем даже в местах его официального церковного почитания.

Забывается святой и как легендарный герой *местной истории*: основная тема рассказов о нем – тема его *кратковременного пребывания* в данном месте (он проходит через деревню, проплывает по реке) и *исхода из него*. Нарративы о Макарии относят его деятельность к далекому прошлому, но не связывают его образ с настоящим,

исключения составляют лишь топонимы и гидронимы, закрепившие имя святого XV в. в культурном и природном ландшафте заволжской части области, но и они уже утратили свое этимологическое наполнение.

Но даже такие скромные и порою реликтовые данные, как разбросанные по «глухим» местам заволжской стороны Нижегородчины легенды о святом, макарьевская топонимика, следы присутствия его фигуры в старообрядческой культуре, свидетельствуют о былом масштабе почитания этого подвижника Русской церкви в регионе.

Сокращения

м.о. – муниципальный округ

ГГУ – Горьковский государственный университет

ННГУ – Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Источники

Андреев 1910 – Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме. М., 1910.

Асанова 1998 – Вятский фольклор. Предания и легенды / Сост. и коммент. П.Л. Асанова, вст. ст. и указ. Ю.А. Давыдова. Котельнич, 1998.

Боголюбов 1862 – Боголюбов Н.А. Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862.

Бригатова 2026 – Бригатова М. Свет Севера. Путешествие к Варнаве Ветлужскому // Новости Нижегородской Митрополии. 2026. № 4 (130). С. 7–8.

Булгаковский 1896 – Булгаковский Д. Нижегородские легенды. СПб., 1896.

Гациский 1877 – Гациский А.С. Нижегородка. Нижний Новгород, 1877.

Демьянов 1900 – Демьянов Г.А. Иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Нижний Новгород, 1900.

Завойко 1917 – Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге реке. Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг. // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. VIII. Этнографический сборник. Кострома, 1917. С. 3–40.

Каргополье 2009 – Каргополье. Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) // Сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз, Н.В. Петров; под общей ред. А.Б. Мороза. М., 2009.

Климова 1999 – Климова Л.А. Госпожа Вода. Городец, 1999.

Кучин 1870 – Кучин Я.П. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Изд. второе. СПб., 1870.

Леднев 2015 – Леднев Алексей. На Сокольских горах. Нижний Новгород: Бикар, 2015.

Майоров 2005 – Майоров Арсений. Сказания Керженца-реки и края Семеновского. Семенов, 2005.

Майоров 2007 – Майоров Арсений. Скиты Керженского края. Семенов, 2007.

Макарий 1850 – Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария, желтоводского и унженского чудотворца / Составлено профессором иеромонахом Макарием. Часть 1. М.: Типография В. Готье, 1850.

Мельников 1910 – Мельников П.И. (Андрей Печерский). Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии. Репринт издания 1910 г. Нижний Новгород, 2018.

Мельников 1917 – Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). Нижний Новгород, 1917.

Мельников 1976а – Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. Книга вторая // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 тт. Составление и общая редакция М.П. Еремина. Том 4. М., 1976.

Мельников 1976б – Мельников П.И. (Андрей Печерский). На горах. Книга первая // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 тт. Составление и общая редакция М.П. Еремина. Том 5. М., 1976.

Монастырский 1884 – Иллюстрированный спутник по Волге в 3-х частях с картою Волги. Историко-статистический очерк и справочный указатель. Составил С. Монастырский. Казань, 1884.

Монахов 2010 – Монахов Д. Тайны Варнавы Ветлужского. М., 2010.

Морохин 1998 – Морохин Н.В. Легенды и предания Волги-реки. Нижний Новгород, 1998.

Морохин 2018 – Ветлужский район. Путеводитель / Составитель Н. Морохин. Нижний Новгород, 2018.

Морохин 2022 – Река Узола. Путеводитель / Текст Николая Морохина. Нижний Новгород, 2022.

Морохин 2023 – В Керженских лесах / Составитель Николай Морохин. Нижний Новгород, 2023.

МЦБС Сокольский – История возникновения Голиковских ключиков // МКУК "МЦБС" г.о. Сокольский [Электронный ресурс] – URL: https://old.bibliosokol.ru/kraevedenie/ekologicheskaya-stranichka/17-razvitie-turizma-v-g-o-sokolskij-nizhegorodskoj-oblasti/12-istoriya-vozniknoveniya-golikovskikh-klyuchikov (дата обращения 30.05.2026).

Надеенский 2022 – Надеенский Илья. Монастырь в Решме: последний из «флотилии кораблей» // Ивановская газета. 2022, 22 августа. [Электронный ресурс] – URL: https://ivgazeta.ru/article/2022/08/20/monastyr_v_reshme_posledniy_iz_flotili_korabley (дата обращения 25.02.2026).

Оглоблин 2023 – Оглоблин Н.Н. Старый Макарий // Реки и пристани: из путевых заметок. Очерки / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Нижний Новгород, 2023. С. 116–137.

Савельева, Новикова 2001 – «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую…»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент.: О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск, 2001.

Сергеева 2014 – Сергеева М. Сокольское: история, природа, красота… // День города. Нижний Новгород. 2014. № 68. С. 23.

Фролова, Еранцев 2014 – Фролова Т.В., Еранцев М.Н. Сельские храмы Городецкого района: на грани исчезновения // Городецкий край в записках краеведов. Вып. 1. Городец, 2014. С. 97–119.

Ширский 1923 – Ширский А. Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXIX. Третий этнографический сборник. Кострома, 1923. С. 5–16.

Литература

Абрамов, Кочетов 2007 – Абрамов А., Кочетова В. Новое о жизни и смерти преподобного Макария. Часть 1. 3-е изд. Нижний Новгород, 2007.

Александрова, Ляпаева 2023 – Александрова О.И., Ляпаева О.Н. Камень на могиле в похоронной традиции Нижегородской области // Русская традиционная культура сегодня: экспедиционные и архивные открытия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Традиционная русская культура и фольклор сегодня. Экспедиционные и архивные открытия» (Ульяновск, 29 октября 2022 г.). Ульяновск, 2023. С. 59–72.

Арциховский 1946 – Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. 1946. Вып. 93: История. Книга первая. МГУ, 1946. С. 43–67.

Белова 2004 – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент О.В. Беловой. М., 2004.

Вахровский 2025 – Вахровский Д. Почитание преподобного Макария Желтоводского и Унженского в селе Ходынское Лухского района // Живая старина. 2025. №. 2. С. 25–27.

Виноградов, Громов 2006 – Виноградов В.В., Громов Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционных представлениях русских // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.

Грицевская 2005 – Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подгот. текста, пер. и коммент. И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. 2005. Т. 13. С. 262–303, 782–784.

Громов 2023 – Громов Д.В. Намогильные камни и их мифо-ритуальное осмысление в Восточном Подмосковье // Этнографическое обозрение. 2006. № 4 (22). С. 210–236.

Зонтиков 2011 – Зонтиков Н.А. Монастыри во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского, основанные в Костромском Поволжье в эпоху Смутного времени начала XVII века // Труды Нижегородской духовной семинарии. Сборник работ преподавателей и студентов. Выпуск 9. Нижний Новгород, 2011. С. 239–251.

Корепова 2009 – Корепова К.Е. Русские календарные праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009.

Кравец 2011 – Кравец Е.В. Почитание преподобного Макария Унженского и Желтоводского как один из источников движения обновления в России в первой половине XVII века // Труды Нижегородской духовной семинарии. Сборник

работ преподавателей и студентов. Выпуск 9. Нижний Новгород, 2011. С. 227–237.

Криничная 1987 – Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Криничная 1988 – Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Кувшинская, Харитонова 2024 – Кувшинская Ю.М., Харитонова М.В. Почитание источника «Двенадцать ключей» в Макарьевском районе Костромской области: обрядовая практика и сюжеты // Живая старина. 2024. № 2. С. 34–38.

Кузнецова 2015 – Кузнецова В.С. О мотиве плавания на камне в фольклорной традиции и рукописной книжности // Традиционная культура. 2015. № 3. С. 77–89.

Лебедева, Семенова 2019 – Лебедева Т.Е., Семенова А.С. Предпосылки формирования туркластера в Нижегородской области // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 1 (35). С. 203–209.: 31.05.2026).

Мороз 2009 – Мороз А.Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.

Мороз 2013а – Мороз А.Б. «Севернорусская легенда об олене» и ее византийские источники // Святые и святыни Обонежья: материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения – 2013». Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2013. С. 232–238.

Мороз 2013б – Мороз А.Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 212–233.

Морохин 2019 – Морохин А.В. Князь Д.М. Пожарский и культ Макария Унженского и Желтоводского в Поволжье в первой половине XVII в. // Российская История. 2019. № 5. С. 182–189.

Овчинников 2011 – Овчинников Валерий. Пустынножители Верхневолжья, или Краеведение как точная наука. Шарья, 2011.

Панченко 2012 – Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности. М., 2012.

Пигин 2009 – Пигин А.В. О почитании Макария Желтоводского и Унженского в Каргополье // Жизнь провинции как феномен духовности. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. Под ред. Н.М. Фортунатова. Нижний Новгород, 2009. С. 184–188.

Пигин 2011 – Пигин А.В. Сказание о иконе Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерском монастыре Каргопольского уезда // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Том II. СПб., 2011. С. 76–111.

Понырко 1988 – Понырко Н.В. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. Ред. Д.С. Лихачев. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 291–293.

Рыбаков 2023 – Рыбаков И.П. Развитие Нижегородской ярмарки как религиозного социально-экономического центра // Труды Нижегородской духовной

семинарии. Сборник работ преподавателей и студентов. Выпуск 21. Нижний Новгород, 2023. С. 145–212.

Рыжова 2011 – Рыжова Е.А. Мотив «плавание святого на камне» в Житии Антония Римлянина и фольклоре // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Ин-т русской лит. (Пушкинский дом) Российской акад. наук; [отв. ред.: Т. Р. Руди, С. А. Семячко]. Т. 2. СПб., 2011. С. 3–36.

Соколова 1970 – Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.

Тарасенко 2006 – Тарасенко Л.П. Иконография преподобного Макария Желтоводского и Унженского по письменным источникам и произведениям изобразительного искусства: автореф. дис. на соиск .уч. ст. канд. искусствоведения. М., 2006.

Тарасенко 2012 – Тарасенко Л.П. К истории почитания преподобного Макария Унженского и Желтоводского в XVI – первых десятилетиях XVII века // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции / Сост. М.Н. Мелютина. Северодвинск, 2012. С. 200-214.

Фадеева 2025 – Фадеева Л.В. Память о преподобном Тихоне Лухском и сакральный ландшафт бывшей Подмонастырской слободы // Живая старина. 20025. № 2. С. 20–25.

Филатов 2003 – Филатов Н.Ф. Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород, 2003.

Шеваренкова 2021 – Шеваренкова Ю.М. Православная история Дивеевского края в преданиях и легендах XX–XXI вв. (Фольклор Дивеевского района Нижегородской области. Том 3. Часть 3). Нижний Новгород, 2021.

Шеваренкова2026 – Макарьевский монастырь и преподобный Макарий Желтоводский: в поисках легенд // Живая старина. 2026. № 3. В печати.

LEGENDS OF MAKARIY ZHELTOVODSKY IN THE NIZHNY NOVGOROD FOLKLORE TRADITION

J.M. Shevarenkova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study examines the popular veneration of Saint Macarius of Zheltovodsk and Unzhensk in the Nizhny Novgorod Region. The research draws on data from folklore expeditions conducted by N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University in the 20th and 21st centuries, Volga River travel guides, publications by local historians, and fiction. It has been revealed that, unlike the era of the 16th-19th centuries, when St. Macarius was venerated as a defender of the Nizhny Novgorod lands, an enlightener of the peoples of the Volga Region, a patron of warriors and prisoners, and a patron of trade, the modern folk cult of the saint in the region has been preserved

discretely, manifesting itself in a small number of narrative legends, toponyms, and the veneration of holy springs. However, the figure of the saint has lost its historical functional content. It has been established that the area of existence of the legends about Makarius Zheltovodsky is limited to the Trans-Volga and Vetluga parts of the Nizhny Novgorod region, including those bordering the Kostroma and Ivanovo regions – i.e. Lyskovsky, Voskresensky, Semenovsky, Gorodetsky, Sokolsky, Chkalovsky, Varnavinsky, Vetluzhsky districts. The range of folklore stories on the Macarius theme has been determined, and the leading motif of narratives about him has been identified – the motif of the saint's journey to Unzha, which in local Trans-Volga traditions led to the emergence of legends about Macarius's stops in various settlements of the Trans-Volga and Vetluga regions. Rare hagiographic legends about the saint, legends about his founding of the Makaryev Zheltovodsky Monastery, legends about Macarius and the elk/deer that have become ingrained in the Nizhny Novgorod Old Believer community, and legends about his floating on a rock, including one with Barnabas of Vetluga, are analyzed. It is established that legends about Macarius Zheltovodsky are currently considered a vanishing layer of Nizhny Novgorod folklore.

Keywords: folk hagiography, legends of Makarii Zheltovodsky and Unzhensky, local traditions, monastery, veneration of saints, folk Orthodoxy.